

«И ПИШУ — ПОКУДА ЖИВУ...»

(художественное словоупотребление в поэзии В.А. Карпова)

Исследование языка художественной литературы затрагивает различные аспекты семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. При изучении индивидуальных особенностей авторского словоупотребления основная задача — зафиксировать образный смысл, или «смысл преобразований» отдельных словоформ и словосочетаний в различных контекстах их художественного употребления. Однако язык остается «первозлементом» и в своем преобразованном качестве в структуре отдельных произведений, в динамике самого поэтического, художественного творчества. При этом следует отметить, что любое выведение слова из «автоматизма восприятия» (его «отстранение» или «актуализация») в художественном тексте связано с возникновением образных структур» [1, с. 64].

Названия книг и циклов стихотворений В.А. Карпова, представленных в авторском сборнике «Амальгама», являются отправной точкой в изучении его поэтического творчества. Высвечивающиеся образы определяют многие характерные черты, традиционные и новаторские приемы и языковые элементы, представляющие особенности его идиостиля. Книжки «Я родом из весны», «Память», «Голоса», «У слова свой удел...», «Уроки учеников», «Руки пожатье». Циклы «Я родом из весны», «В ожидании музыки», «Эхо», «Зеркало», «Слова дневные и ночные», «Так это флейта...», «Сотворение мира», «Неумолимый свет дневной», «Распутья», «Север — Юг», «Я слово позабыл», «Возвращение к себе» и др. Перекличка названий циклов, попавших в разные книги, объединяет основные мотивы и тематические направления, иначе говоря, учитывая основные философские законы, движение творческой мысли автора стихов идет по спирали. Так, например, в книге «Руки пожатье» присутствует цикл присутствует цикл «Я слово позабыл», а в книге «У слова свой удел» — цикл «За город хочется бежать». Нарочитая путаница и при этом четкое определение, отнесение разных стихов в тот или иной тематический ряд свидетельствуют об очевидной взаимосвязи языковых образов, особенно важных для творчества автора. Родство, дружба, музыка, любовь, природа и связь человека с природой, ее старшинство по отношению к ней человека, дальняя и близкая история страны, сотворение мира — основные мотивы и темы стихов В.А. Карпова.

Они находят свое продолжение в сборнике «Дао», где как и в первом, встречаются посвящения людям, оставившим след в жизни и творчестве поэта. Среди них Арсений и Андрей Тарковские, строчка из стихов первого стала названием цикла «Вот и лето прошло», второму посвящены стихи циклов «Метаморфозы» из книги «Учителя»: *«Отпечатки с зеркал, и с земли, и с воды с искривлением времени станут пространством»*. Своим учителем он считает и Ю.М. Лотмана, к которому он обращается в своих стихах из циклов «Метаморфозы», «Мыс» и «Север — юг»: *«Чередование тьмы и света таит в себе глубокий смысл и Путь к свету и высок и труден»*.

Как мы отмечали в предыдущих статьях, работа В.А. Карпова со словом, поиски разницы в значениях, а также сближение фонетических и семантических параметров слов является частью исследования, изучения функционирования, точнее жизни слов, языка в целом. Две ипостаси, равновеликие для него, лингвистическое исследование и практическое, эмпирическое применение в своем стихотворном творчестве, и прежде всего, речетворчестве, так как, по мнению Л.В. Щербы, «речевая деятельность, хотя зачастую и протекает целиком по готовым шаблонам, однако в принципе является речетворчеством, обусловленным правилами «языковой системы» данного языка...» [1, с. 56].

Явление паронимии активно используется в поэтической речи. Цепь метафорических переносов включает динамику сменяющих друг друга семантически связанных составляющих, а также объединенных формальным сходством слов. При этом содержательные структуры несут дополнительную смысловую нагрузку и ярко выраженную образность, художественность: *Мятеж — метель. Смутить, взлететь; Мороз. Не передать по Морзе; Постель. Несминаемой мяты запах. Ночь маяты. Непритворных сумятищ шум; так из личинок неразличимых льется свет; О нищета самозащиты, самозабвенная тщета!..; Минута — счастью предел и удел. минуют, мнут и секут...; И нет смиряющих рубаш и свет смиряющий нескоро.*

Слово — объект описания, объект и материя искусства, способ общения всего со всем, философская категория, отражающая сущность живого в космическом масштабе: *Века являются из тьмы, являют прерванные связи всего со всем. И ты — в родстве со всем!* Лингвистическая терминология вплетается в художественную речь автора очень органично: *так иногда живет наш мозг отдельным полногласным телом; и только море разберет слов незвучащих окончанья; И, словно под диктовку свыше, все чище слово, звук светлей.* Слово, речь обладают качествами, которыми наделяет их человек, превращая в нечто одухотворенное и очень значимое. Они имеют и глубину, и звучание, и свет. Поэзия В.А. Карпова — это звукопись и живопись при помощи слов и воспевающая слово: *речи глубина; И эти пятна обращались на непонятном, на таком — что, если бы не свет печали, не назовешь и языком; потускневшие в словах фигуры праздничного танца; подслушав в дыхании первозданные слова; Немое — жаждет языка, чтобы наследственные тайны доверить, а не расплескать бессвязными в пылу устами.* В строчках «...те, для кого слова — слова, не мысль, но мысли оболочка, не чувства, вжатые в словарь, где словом не дается точка, а только оболочки чувств, разбросанная щедро ветошь» заключено авторское понимание, смысл, значение слова в жизни человека, выраженное в форме отрицания, неприятия, что следует из контекста. Программа действия, цель творчества для него в строках: «*Природа. Мир. Сплошная недосказанность. Договорить — как все расколдовать*».

Для В.А. Карпова поиск родственной души и жизненной гармонии является поиском душевного созвучия: *Жизнь — лишь сердец созвучнейшие стук; и лад в душе созвучен Миру; Подслушивай, душа, певучие созвучия бродягислучая; Душа... слагает, делит и двоит созвучия. И в них отыщется гармонию.* В

его стихах ощущается стремление к идеалу и духовному единению. Геронии многочисленных посвящений, опубликованных в сборнике «Амальгама», представляются воплощением единственной Возлюбленной, ко встрече с которой он стремится как к идеальной и непостижимой, постоянно ускользающей цели. Не только в приводимых ниже строчках, но и во многих других ощущается тень присутствия ощущений, воспоминаний и ускользающий свет: *лишь потому и пуст и нищ мой каждый день и целый день, что без тебя считаю дни, что я в руках сжимаю тень*. Многочисленные аллюзии, отсылки к ментальному опыту читателя являются подтверждением неизменности идеалов и верности этим идеалам самого поэта. Возможность такой интерпретации подтверждается повторением образов, неоднократным их использованием в разных стихах. В ранней поэзии В.А. Карпова встречаются литературные женские образы, в которых воплощаются мотивы эфемерности и хрупкости человеческих взаимоотношений, среди них и Снегурочка А.Н. Островского: *«Ты — Снегурочка, белая, белая. Тронь — исчезнешь в одно мгновение»*. Героиня известной повести А.С. Грина говорит, что *«смотрела бы, как на несчастье, на любовь, если поразит она ... БЕЗ СУДЬБЫ»*. Грин подчеркивает два последних слова, потому что «любовь и судьба — одно...», единое и неделимое, когда слово рождает поступок, а поступок — слово. «Несбывшееся» — одна из важных, определяющих философских категорий, характерных для мировосприятия А.С. Грина, была близка В.А. Карпову так же, как и творчество этого писателя, что отразилось и на некоторых его поэтических образах. В стихах В.А. Карпова «Несбывшееся» — самая главная мечта и цель жизни — непременно должно сбываться и оно (и его грани!) начинает сбываться: *«Сбылась любовь, сбывается душа, и делу по душе еще сбываться ...»*.

В художественной речи «тропы» выступают не просто как иное обозначение способов преобразования, но как «способы художественного мышления» [1, с. 65]. Использование редких слов, так же, как и других статистических пластов лексики, в художественном тексте является отличительной чертой авторского почерка. Такие слова, эстетически преобразованные, составляют индивидуальность поэта. В стихах В.А. Карпова значимыми являются, к примеру, такие слова как *ручьи, окно, сад, гроза* и др. Метафору-сравнение *ручей лучей* можно считать индивидуально-авторским окказионализмом, несомненно удачным объединением семантически разных слов, в которых отличной является одна буква (звук, фонема), это своеобразный эксперимент, очень удачный, так как образное значение полученного словосочетания бесспорно: *Издалека, с рассветных чистых нот, как будто плещет в воздухе упругом ручей лучей*. Образное значение приведенных выше слов проявляется в контексте: *бесчинствующие ручьи взрывают роуци; И переплет как крест, но не окно; И двери стерегут, и бережет окно и песни перебуд, и перебранку нот; праздник заоконный*. Понски и находки индивидуально значимых слов, не являющихся частотными в общелитературном языке и в языке художественной литературы, т.е. в языке других поэтов и писателей, являются конкретной авторской индивидуальной принадлежностью: *молнии солнечных гроз, солнечные лужи; сады струили*

тишь; Душа, ты мой опальный сад, лесам такое и не снилось ... Блещишь алмазами грозы... и др. Образность пронизывает поэтический текст, предполагает виртуозное владение законами сочетаемости слов и знание этих законов. Этому предшествуют лингвистический опыт, энциклопедические знания в области русской поэзии, приверженность лучшим традициям поэтического творчества. И как результат рождаются строки, в которых видимость простоты скрывает совсем непростое, а порой мучительное движение мысли и чувства, направленное на поиск нужных слов и соединения их в целостное законченное произведение, вне зависимости от его величины: *пытка цветом, звуком, словом ... меж ремеслом и творчеством межа*. Порой одна строчка достаточно точно и полно отражает мысль и/или чувство, сохраняя при этом органичное, очень естественное развитие, течение речи: *Внезапны запахи. Весна — сама внезапность. Внезапны сны. Внезапна в снах палитра залпа*. Сплошная ода свету явно превалирует во многих его стихах: *Висят в разрывах облаков созвездья света; Звезды ... сыплют свыше прямо в стих*.

В художественной речи индивидуальная метафора является одним из способов семантического словообразования, а многие переносные значения оцениваются как штампы. Фразеологии нормированного языка соответствуют здесь перифразы, слова и выражения формульного типа, цитаты и афоризмы, а также особые словесные комплексы, которые представляют собой «индивидуальную фразеологию» [1, с. 67]. Включение в художественный текст таких языковых единиц требует огромного опыта в работе со словом для решения поэтических задач. Находки В.А. Карпова в индивидуальной фразеологии отличаются смелостью ассоциаций и неожиданностью объединений слов, порождающих новый смысл по-новому очерченного словесного пространства. Характерно возвращение поэта к однажды найденным словесным и семантическим комплексам, их развитие и превращение окказиональных в узуальные соединения в его индивидуальном языковом (речевом) пространстве. Он этимологизирует и деэтимологизирует, взрывая систему сочетаемости, сталкивает несовместимые в обыденном сознании понятия, раскрывает и восстанавливает невидимые связи между ними. Примером может служить оживление семантики составляющих фразеологические единицы слов *зга, кромеешный*, ограниченные в сочетаемости прилагательные *распахнутый, внезапный*: *И не видать минорной зги; это станет той самою згой; Тайн не стало, зги не стало; Нас с тобой спасает слух в дни, когда ни зги; боязнь кромешного прозренья*; (слово *кромеешный* является объектом внимания и других авторов, сравн. у А.С. Грина *кромеешный гвалт*). *Случай...Случай — это милость. Я помилован сплеча...; настезь распахнутый луг; крик осенней стаи...в твоих распахнутых лесах; Откуда нам весь мир — распахнутым объятьем*. В поэтическом творчестве поэт стремится разобраться в многогранном значении устойчивых сочетаний слов путем расширения сферы соединения их компонентов, возвращение первоначального смысла словам, входящим в их состав фразеологически связанных структур: *полночная роза ветров распустится; тише воды, ниже травы вода в отшумевшем море*.

Все эти книги и циклы, так завораживающе привлекательны многообразием словесных образов, тонких лингвистических наблюдений, открытий взаимосвязей в мире изменяющейся природы, сотворенного и каждый день познаваемого и сотворяемого мира, открытий себя. Им свойственны жизнеутверждающие мотивы, тонкие душевные вибрации, многогранность восприятия изменяющихся чувств, тяга к красоте, постижение прекрасного, души, смысла жизни, устройства мироздания и места в нем человека: *поэт чуть-чуть раздувает пламя неугасимого костра [— огня, сжигающего затмения]*. Роль поэзии в жизни мятущейся личности, человека, полного сомнений и надежд, поисков созвучной души воплощена в строке поэта, вынесенной в название нашей статьи, — перефразированный латинский афоризм (*пока дышу — надеюсь*) — *И тишу — покуда живу*.

Повтор некоторых стихов в обоих сборниках, очевидно, случаен. Стихотворений у В.А. Карпова, которые не опубликованы, которые ждут своего часа, множество. Актуальна задача собрать их вместе и пополнить увидевшие свет еще не опубликованными стихами и циклами стихов, которые заставят читателей снова встретиться с поэтом, который дарил их и тем, кто с ним делил «*хлеб и душу, мысли и порывы*», и тем, кто может познакомиться с большой поэзией удивительно талантливого и близкого многим по духу человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поэт и слово. Опыт словаря. — М., 1973.
2. Карпов В.А. Амальгама. — Минск, 2000.
3. Карпов В.А. Дао. — Минск, 2008.